

"Сталин был слишком мягок. Армия Украины может лишь успешно терроризировать мирное население". □ Беседа Игоря Бойкова с ополченцем писателем Игорем Пыхаловым.

- Что сподвигло тебя – человека не самого молодого и к тому же отнюдь не безвестного – взять в руки оружие?

- Причина проста и очевидна: идущая на Донбассе война справедлива. В данном случае добиваться своего следует путём силы. Призывая других к войне, я считал своим моральным долгом и самому принять в ней участие. Тем более, что физически я был вполне в состоянии это сделать. Поэтому как только появилась возможность, я отправился в Луганск и вступил в ряды ополчения.

- Для добровольцев существовала какие-то курсы боевой подготовки? Или сразу же оружие в руки и на фронт?

- Я вступил в батальон «Заря» – он тогда являлся зародышем Вооружённых Сил Луганской республики. В нём существовал более-менее ответственный подход к желающим вступить в ряды бойцов. Проводились собеседования, психологическое тестирование. После чего тех добровольцев, кто прошёл этот этап отбора, направляли в небоевые подразделения. Они занимаются там различными хозяйственными работами и постепенно привыкают к боевой службе. Мне повезло попасть туда, где заряжали установки залпового огня «Град». Надеюсь, что мой труд не пропал даром, и наши артиллеристы эти установки использовали с толком. В тот момент украинские позиции как раз активно утюжили. Потом хорошо зарекомендовавшие себя добровольцы по мере появления вакансий направлялись уже непосредственно в воюющие подразделения. При этом, естественно, бывали и исключения. Если кто-то владел дефицитной воинской специальностью, например, являлся водителем танка, то его брали в действующее подразделение сразу. После недели службы заряжающим «Градов» я был направлен в формирующуюся 4-ю стрелковую роту и служил там в качестве гранатомётчика.

- Разве у тебя были навыки обращения с гранатомётом?

- Нет, никаких навыков изначально не было, всё осваивал уже на месте, с нуля. В России очень популярно мнение, что ехать воевать в Донбасс должны исключительно

профессионалы – те, кто уже имеет опыт боевых действий. Считаю подобный подход в корне неверным. Конечно, от профессионала на войне пользы гораздо больше, чем от необученного бойца. Но с другой стороны, на Украине в постсоветское время (как, впрочем, и у нас) система начальной военной подготовки молодёжи была полностью развалена. Многие из приходивших в ополчение 25–30-летних местных ребят не умели буквально ничего, даже автомата собрать. Военной квалификации, конечно, у подавляющего числа бойцов роты не было, однако советское стрелковое оружие сделано так, чтобы даже неподготовленный человек может быстро им овладеть.

- Кто командовал батальоном «Заря»? Что он собой представлял?

- Командует батальоном Андрей Патрушев. Это человек достаточно молодой, держится скромно, так что непосвящённый не отличит его от рядового бойца. Кстати знаков различия и системы званий в вооружённых формированиях Луганской республики нет. Командиров просто знают в лицо.

- Как же тогда соблюдается субординация? Вместо системы званий существует различие по должностям, как это было когда-то в Красной Армии?

- Да, по должностям: командир батальона, командир роты и т.д. Традиционных воинских ритуалов – шагистики, отдания чести – тоже нет. Хотя, конечно, дисциплина поддерживается. В нашем батальоне действовал «сухой закон», и его, в основном, соблюдали. Тех же, кто вопреки приказу пытался пить, наказывали и достаточно сурово. Так, одного бойца, который, сильно напившись, начал петь песни прямо под окнами штаба, направили на передовую, на разминирование.

- Луганск действительно сильно разрушен? Телевидение передавало жутковатые кадры: перепаханые снарядами улицы, разбомблённые дома, очереди к колонкам с питьевой водой.

- Не знаю, что конкретно показывало российское телевидение – на фронте мы были в информационном вакууме и возможности смотреть телевизор или выходить в Интернет не имели. Скажу о том, что видел сам. Подачу электричества в город украинские войска обрубили незадолго до моего приезда, поэтому ни света, ни воды в Луганске действительно не было. Всё это продолжалось до середины сентября, до нашего наступления, когда войска противника удалось отбросить от города. Только 14-го числа, в День города, было восстановлено электроснабжение. А в августе улицы действительно выглядели вымершими, люди по ним старались не ходить. Транспорт тоже практически не работал. Разрушений в Луганске действительно много, но говорить, что его превратили в руины, всё же нельзя. Огонь по жилым кварталам Луганска вёлся, в основном, из миномётов. А мины не обладают большой разрушительной мощностью. При попадании они разрушают отдельные комнаты в жилых домах, сами же дома остаются стоять. Сильнее пострадали всякие торговые центры и павильоны, построенные уже в период «незалежности». Эти конструкции некапитальные, и они действительно разлетались от попаданий мин вдрызг.

- В каких боях участвовал непосредственно ты?

- Во 2-й половине августа наша рота участвовала в обороне Вергунки - одного из пригородов Луганска. В сентябре мы приняли участие в наступлении, 3 сентября заняли

позиции на передовой вместо подразделения, отведенного в тыл, на отдых. Через 2 дня нас бросили к деревне Раёвке: были данные, что неподалёку зажато в окружении около 40 украинских солдат и офицеров при двух танках. Своих танков у нас не было, поэтому танки противника уничтожила артиллерия. Мы наступали, имея несколько БТРов. Это были какие-то осколки разбитых частей. Вообще серьёзных попыток прорыва к своим они не предпринимали. Утром к нам на позиции вышел украинский офицер. Он был совершенно деморализован, ему казалось, что его тут же на месте расстреляют. Разумеется, ничего плохого пленному мы не сделали. Накормили и повезли в город, чтобы показать следы преступлений, совершённых его собратьями.

- Значит, это были всё-таки бойцы регулярной армии, не «правосеки»?

- Да, армейцы. С «правосеками» у нас не получилось бы такого разговора. Как и с украинскими артиллеристами, поскольку был приказ их в плен не брать. Вообще же наше выдвижение к Раёвке было столь стремительным, что многие местные жители даже не знали, что ополчение уже здесь. Так, например, один дедушка, проезжая утром на велосипеде через наши позиции, приветствовал бойцов нашей роты возгласом: «Слава Украине!» С ним вежливо поговорили, объяснили, кто мы. Было ясно, что это просто проявление бытового конформизма, стремление жить в ладах с любой властью.

На следующий день мы продвинулись дальше, вышли на берег Северского Донца и на господствующей высоте заняли оборону. Оттуда был уже виден тот самый знаменитый город Счастье, который, к сожалению, до сих пор оккупирован войсками хунты и в котором находится крупная тепловая электростанция, когда-то снабжавшая электричеством многие города Луганской области и сам Луганск. Как раз тогда и было объявлено перемирие. Занимая позиции на берегу реки, мы взяли в плен ещё двух солдат укр. армии. Они рано утром пытались связать из тростника плот и переправиться на тот берег, к своим. Одному было 20 лет, другому 30. Оба, кстати, оказались из Львова. Уверяли, что они простые призывники и никому ничего плохого не сделали. Что интересно, говорили по-русски чисто, без всякого акцента.

- А как воюет ополчение? Какую применяет тактику?

- Военная тактика ополченцев нацелена на то, чтобы сберечь жизни бойцов. Как правило, прежде чем посылать пехоту в атаку, украинские позиции очень долго обрабатывали артиллерией, подавлялись огневые точки. На мой взгляд, в артиллерии мы противника даже превосходили. Были и полевые орудия, и установки залпового огня, и миномёты.

- Кто были твои сослуживцы? Каков социальный состав бойцов ополчения, их мотивация?

- Опять-таки, могу судить только по своему подразделению. А в нём подавляющее большинство бойцов было местными жителями, у которых, как в песне поётся, «враги сожгли родную хату». Причём, сожгли в самом прямом, буквальном смысле. Потеряв жильё, близких, они пошли воевать против украинской армии. В нашей части добровольцев из России насчитывалось процентов 10, остальные 90 – местные: луганчане и жители области. Об идеологических предпочтениях личного состава сложно сказать что-либо определённое. Были православные, воцерковленные

верующие, но их набралось немного, с десятков. Остальные же какой-то внятной идеологии не имели. Некоторые носили крестики, многие с симпатией относились к советскому периоду нашей истории, хотя, конечно, идейными коммунистами они не являлись. Ещё в качестве добровольцев из России в батальоне «Заря» сражались члены «Другой России», нацболы, однако они служили не в моей роте. Если говорить о возрасте бойцов, то следует отметить, что молодых, младше 25 лет, было мало, а моложе 20-ти – так вообще единицы. Основной костяк подразделения – те, кому около 30-ти, хотя встречались и те, кто был значительно старше. В большинстве своём это были люди без высшего образования, до войны занимавшиеся физическим трудом.

- Как восприняли в окопах смену власти в Донецке и Луганске, произошедшую в середине августа?

- Донецк был от нас далеко, и происходящее в нём вообще практически не обсуждали. Что же касается снятия Болотова, то командиры бойцам сказали так: «Болотов снят, батальон “Заря” берёт власть в свои руки». Отчасти это было правдой, так как пришедший на место Болотова Плотницкий ранее занимал пост министра обороны, то есть, можно, сказать, был выходцем из армейской структуры. О подоплёке же происходящего большинству ничего не было известно.

- Некоторые общественные деятели в России в тот момент подняли волну паники: мол, всё – это капитуляция Кремля, Новороссии конец.

- Среди нас никакой паники не было. Дело в том, что ополчение Луганской республики – это, по сути, такая феодальная армия. Командиры подразделений напоминают средневековых князей со своими дружинами, и «дружинники», в первую очередь, ориентируются на них, а не на номинально первых лиц в Луганске. Я никого не хочу обидеть, в отрядах собрались люди достойные. Но тем не менее это так. В чём проявляется феодализм? В том, что командир-князь сам набирает отряд-дружину и выдаёт ей оружие. Дружинники могут переходить от одного, менее удачливого в ратном деле князя, к другому, более удачливому. Оружие, полученное непосредственно от князя, при уходе сдают, а то, что принесли с собой, с собой же и уносят. Повторюсь: что есть – то есть. Отсюда проистекают и многие недостатки ополчения. Так, оно не имеет системы набора массового пополнения и его обучения, как это принято в обычной регулярной армии. Оно очень чувствительно к потерям. В ЛНР не было даже проведено мобилизации.

- Высшее руководство ЛНР как-то боролось с подобной ситуацией?

- Оно в принципе не могло бороться, потому что в нём нет современного аналога партии большевиков. Аналога даже не в смысле идеологии, а в смысле организации. Тогда было бы возможно выстраивать полевых командиров на основе общей идеи, включать их в общую структуру. Иначе подобную феодальную вольницу не изжить. Разве только один из феодалов усилится настолько, что подомнёт под себя остальных.

- Что можешь сказать о противнике? О его боевых качествах?

- У меня сложилось впечатление, что они весьма низкие. Армия Украины может лишь успешно терроризировать мирное население. Обстрелы городов и посёлков производились ею регулярно в силу безнаказанности. Если мы на каждый украинский

обстрел наших позиций отвечали своим, то жилым кварталам отвечать было нечем. К моменту моего приезда в Луганск авиацию противника уже значительно «проредили», боевых летательных средств я за полтора месяца вообще не видел, не считая безоружного самолёта-разведчика. В артиллерии, как я уже говорил, мы их превосходили. По бронетехнике преимущество было у той стороны, но не подавляющее. Украинская же пехота слабо мотивирована, боится вступать в ближний бой. С другой стороны, плена они тоже страшатся, т.к. машина по промыванию мозгов у хунты работает. Солдатам внушают, что на стороне ополчения воюет множество чеченских боевиков, которые с ними тут же зверски расправятся.

- А ты вообще встречал в рядах ополчения кавказцев?

- Нет, не встречал, хотя это не означает, что их там нет. Возможно, воюют в других подразделениях. Зато встречал сербов. Они тоже служили в «Заре».

- Потери у вас за время боёв были большие?

- Нет, в нашей роте за время моей службы убитых не было. Однако после каждого боестолкновения на передовой бывало по двое-трое раненых. К счастью, все ранения были лёгкими, в конечности, или же контузии. Самое тяжёлое – одному ополченцу оторвало на руке палец. Плюс, сказывалась, конечно, и «сберегающая» тактика командиров.

- Что можешь сказать о масштабе потерь противника? Они действительно столь велики, как сообщают в СМИ? Речь идёт о 10-15 тысячах убитых и раненых?

- По ощущениям, они значительно больше наших. Это же подтверждали и пленные. Перед наступлением позиции войск хунты долбили и долбили снарядами. К примеру, тот же Луганский аэропорт можно было взять быстрее, но лобовой штурм означал бы простой размен смертями. На такое могла пойти лишь регулярная армия, не испытывающая проблем с пополнением.

В основном, потери противнику наносили за счёт артиллерии. У нас она работала лучше и качественнее, чем у украинских войск. Плюс действия разведывательно-диверсионных групп. Но я в них не участвовал, там действительно служили люди подготовленные.

- Как ты оцениваешь Минские соглашения? На твой взгляд, они поставят точку в войне, или же это всего лишь временная пауза перед новыми схватками?

- Первая реакция в окопах – разумеется, досада. Возникло ощущение, что нас останавливают, не дают развить успех. Хотя если рассуждать здраво, то на нашем участке мы и так уже достигли максимально возможного успеха. Дошли до Северского Донца, закрепились, но на то, чтобы форсировать его и наступать дальше, сил уже не было. О ситуации под Донецком судить не берусь, ибо не владею достоверной информации. Возможно, там обстановка складывалась иначе.

Если же говорить о будущем, то очень бы не хотелось, чтобы граница между ДНР, ЛНР и Украиной прошла по сегодняшней линии фронта. В таком случае речь не будет идти не то что о полноценной Новороссии – даже большая часть республик при таких условиях останется под вражеской оккупацией. Это, на мой взгляд, просто недопустимо. Поэтому я надеюсь, что боевые действия всё-таки будут продолжены.

Однако здесь есть следующий момент. Ясно, что Россия прямо участвовать в войне не будет – Путин это ясно дал понять. Выбрана тактика, скажем так, косвенного участия. В принципе, ополчение может сражаться и само, но для этого необходимо выстроить, наконец, чёткую структуру власти в республиках, провести полноценную мобилизацию. В общем, должны возникнуть полноценные государства. А этого, к сожалению, пока нет.

- Кстати, о национальном вопросе. Ярко выраженных украинцев или людей, позиционирующих себя таковыми, ты в рядах ополчения встречал?

- Не знаю, что у кого там было записано в паспортах, но по ощущениям всё это – самые обычные русские люди, для которых русский язык – родной. Среди людей старшего возраста было двое украинцев, знавших свой язык (правда, скорее всего это был суржик), использовавших его в бытовом общении. Но они не были врагами России и воевали на нашей стороне. Хотел бы также добавить, что, на мой взгляд, война на Украине – это не межэтнический конфликт. Это гражданская война внутри русского мира между теми, кто желает его самостоятельного развития, и теми, кто жаждет стать холоуями Запада. Те же жители Львова, как оказалось, прекрасно владеют русским языком. В будущем, если успех всё-таки будет развит, необходимо дебандеризировать всю Украину.

- Но ведь это в своё время не удалось довести до конца даже Сталину.

- Сталин был слишком мягок. В отношении активных сторонников хунты после победы должны быть применены самые широкие и суровые репрессии. Подчеркну, речь идёт не о геноциде населения западных областей, а о репрессиях в адрес тех, кто вступал в подразделения карателей или жёг людей в одесском Доме профсоюзов. Разумеется, о непосредственном включении Галиции в состав России в данный момент речи идти не может. На первое время сгодится и протекторат. Западенцы должны понимать, что право жить в России и считаться её полноправными гражданами им надо заслужить.